

Цыбикова Б.-Х. Б.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ БУРЯТ В ЗАПИСИ Б. БАРАДИНА
(АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ)¹

На основе материала, собранного Б. Барадиным по устному народному творчеству агинских бурят, выявлены и выделены в особую группу устные рассказы, дана их сюжетная характеристика. Жанр устного рассказа в бурятском фольклоре приобретает значительность в современный период, так как они представляют научную ценность в плане раскрытия отдельных аспектов мировоззренческой системы этноса как тексты о реальных событиях, имевших место в давние времена. В этом видится актуальность статьи. В связи с тем, что обнаруженные в архиве выдающегося исследователя-востоковеда записи устных рассказов до сего времени не изучались, сюжетное составляющее не анализировалось, целью исследования являются характеристика особенностей данных нарративных источников в плане содержания, персонажного ряда, сравнение их содержания с традиционными, в том числе религиозными, ментальными и обыденными, представлениями носителей и исполнителей устной народной прозы. Анализируемые устные рассказы в записи Б. Барадина отличаются характерными признаками жанра: сюжетную их основу составляет интересный, яркий, порой анекдотичный случай из повседневной жизни; с сатирическим оттенком изображены отдельные недостатки людей. В то же время они насыщены этнографическими подробностями, реалистичными зарисовками и познавательными деталями.

Ключевые слова: Базар Барадин, ученый-собираатель, устные рассказы, сюжетный ряд, духовная культура и традиционное мировоззрение бурят

Tsybikova B.-Kh. B.

ORAL STORIES OF THE BURYATS RECORDED BY B. BARADIN (ARCHIVAL SOURCES)

On the basis of material collected by B. Baradin on the oral folklore of the Aga Buryats, oral stories have been identified and singled out in a special group,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310268-2).

and their plot characteristics are given. The genre of the oral story in the Buryat folklore acquires significance in the modern period, as they are of scientific value in terms of identifying certain aspects of the worldview system of the ethnos as texts about real events that took place in ancient times. This is the relevance of the article. Due to the fact that the records of oral stories found in the archives of an outstanding orientalist have not been studied so far, the plot component has not been analyzed. The aim of the study is to identify the characteristics of these narrative sources in terms of content, to characterize the system, the disclosure of links with traditional, including religious, mental and everyday, representations of speakers and performers of oral folk prose. The analyzed oral stories in B. Baradin's record differ in the characteristic features of the genre: their plot is based on an interesting, vivid, sometimes anecdotal case from everyday life; with a satirical tinge some shortcomings of people are depicted. At the same time, they are saturated with ethnographic details, realistic sketches and cognitive details.

Keywords: Bazar Baradin, scientist-collector, oral stories, plot line, spiritual culture and traditional worldview of the Buryats.

Чтобы представить диапазон деятельности Б. Б. Барадина и не повторяться вслед за теми, кто изучал биографию ученого и его научно-художественное творчество, приведем цитату из статьи В. Ц. Найдакова: «Крупный ученый-востоковед, поборник демократических свобод и национальных прав бурятского народа, талантливый исследователь монгольских языков, истории буддизма, увлеченный собиратель и исследователь шаманской поэзии Б. Барадин был не только общественно-политическим деятелем того сложного, трудного в жизни страны периода, но и самобытным, ярким художником, имевшим свой оригинальный взгляд на историю и современное положение своего народа» [Найдаков, 1992: 96]. Кроме того, Б. Барадина, как исследователя духовной культуры своего народа, интересовали проблемы фольклора бурят: «В 1908-1917 годах Базар Барадин работал в Петербургском университете лектором монгольского языка. В 1917 году после исторических событий Барадин вернулся на родину и стал учительствовать в школе II ступени. На родине он общался с сородичами, стал изучать прошлую историю родного народа и края. Он проявил глубокий интерес к легендам и преданиям бурят» [Шаракшинова, 1993: 108]. О значимости устного народного творчества для духовно-нравственных ориентиров этноса Базар Барадин подчеркивает в работе «Отрывки из бурятской

народной литературы): «Помимо чисто научного интереса, эти записи представляют огромную ценность для самих бурят, потому, что в них именно и хранится то зерно, которое при желании даст пышный отросток родного языка, литературы, музыки, этих единственных орудий духовной культуры каждого народа» [Бадзар Барадийн, 1910: 1].

Его творческое и научное наследие аккумулировано в двух научных учреждениях: в Улан-Удэ – фонды Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (сокращенно: ЦВРК ИМБТ СО РАН) и Санкт-Петербурге – Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (сокращенно: ИВР РАН). Так как в ЦВРК ИМБТ СО РАН содержится определенная доля документов ученого, а «основная часть рукописей, особенно материалы по востоковедению, хранятся в Рукописном отделе ЛО ИВ РАН» [Гармаева, Лыксокова, 1993: 51], то записей по фольклору в них не обнаружено. В Архиве же востоковедов ИВР РАН имеется личный фонд Базара Барадина, под номером 87, где хранятся 34 дела: «Рукописи поступили из Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» [Кульганек, 2000: 51]. В этом фонде содержатся, согласно описанию Л. С. Савицкого, немало материалов по устному народному творчеству бурят, записанных исследователем: «XIII. Фольклорные материалы, записанные среди агинских бурят Б. Б. Барадийным. 1907–1914, 1918 гг., 89 лл., в том числе – Записи исторических, бытовых, свадебных и плясовых песен, 64 лл., 1908–1912 гг. XIV. Фольклорные записи разнообразного характера, 20 лл., 1912 г. XV. Родословные хоринских бурят, 20 лл., 1916 г. XVI. Записи песен хоринских и агинских бурят, 29 лл., 1910–1917 гг. XVII. Отрывки записей бурятского народного эпоса, 13 лл., 1912 г. XVIII. Записи бурятских песен, 29 лл. До 1917 г. XIX. Записи бурятских загадок и поговорок. Всего 42 лл. До 1917 г. XX. Записи шаманских текстов. 33 лл. До 1917 г. XXI. Родословные баргу-бурят. 8 лл. До 1917 г. XXII. Родословные 11 родов хоринских бурят. 6 лл.» [Савицкий, 1990: 146–148].

В настоящей же статье акцентируется внимание на анализе выявленных из личного фонда Б. Барадина записей текстов устных

рассказов бурят, лаконичных по форме, в то же время емких и показательных по своему содержанию для характеристики традиционного мировоззрения бурят. Что касается паспортизации рукописей, где размещены устные рассказы, читаем: «От кого записаны мои фольклорные тексты? «Хаан Хашагта мэргэн» записан мною от агинского улигерчина Намсараина Аюрзана, остальные мелкие вещи записаны от разных лиц: Аюшина Дармы, Вампиловой Долгор, Цэрэнжабэ Цэрэнпунцока, Очирова Ванчука и др. Из этих лиц Намсараин Аюрзана должен быть особо отмечен, как один из лучших в то время рапсодов-улигерчинов. Ленинград, 25/V, 36 г.», далее личная подпись Б. Барадина [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 3]. Таким образом, они представляют собой подлинные тексты, записанные Б. Барадиным в основном в Аге, кое-что в Петрограде, как явствует из его пометок от 1914 года.

Из одиннадцати текстов, расшифрованных с латиницы и рассматриваемых нами в данной статье, в девяти из них главным сюжетобразующим персонажем является буддийский священнослужитель – лама. О двух устных рассказах, сюжетную основу которых составляют реальная картинка из жизни детей-скотоводов и этиологический миф, будет сказано ниже. В остальных записях Б. Барадина сюжетная линия развивается вокруг лам, основной лейтмотив которых направлен на высмеивание неграмотных служителей культа, их жадности. Так, халхасцы решили написать письмо Далай-ламе, но плохо владеют тибетским языком, не умеют писать по-тибетски. Кое-как сочинив письмо, не знают, как озаглавить его. Обратились к наиболее грамотному человеку Жадамбе, тот дает совет, как назвать. Когда писарь посадил кляксу на это заглавие, Жадамба и здесь не видит проблему, переиначивает слова письма, запачканного этой кляксой «Письмо Далай-ламе, написанное халхасцами» (*Халханарай Далай ламада бэшэһэн бэшээ*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 72-73]. В итоге получается несвязный, лишенный логической последовательности текст, свидетельствующий о малообразованности, безграмотности описанных духовных лиц.

В другом сюжете для проведения обряда подавления, изгнания духов, вызывающих болезнь у члена одной русской семьи, приго-

товлены различные яства. В завершение чтения молитв лама в иноказательной форме просит своего помощника незаметно умыкнуть приготовленные продукты «Лама-ритуалист» (*Нэгэ гүрэмшэн*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 56].

В тексте под названием «Один человек» (*Нэгэ хүн*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 73] высмеивается лама, который провел ночь у женщины. Этот устный рассказ, имеющий непристойный характер, ярко иллюстрирует социальный статус буддийского духовенства в 20-ые годы прошлого века. В результате мятежных перестроечных событий в стране наиболее образованные из буддийских монахов, имеющие ученые богословские степени, соблюдающие жесткие обеты и предписания, глубоко почитаемые мирянами, подверглись гонениям, были отправлены в ссылки, некоторые вынуждены были покинуть пределы своих кочевий. К отдельным представителям культа, кои утратили святость и благочестие, постепенно поменялось и отношение прихожан. Подобные тексты, записанные в начале XX века, отразили реальность того времени, когда актуально было обличение священнослужителей культа, когда общество в свете веяний новой исторической действительности стало выставлять их в неприглядном виде.

В русле таких же поветрий того периода изображен конфликт между ламами и шаманами. Лама в устном рассказе «Лама Жонсо и шаман Тухэрин» (*Жоонсо ламхай Түүхэрин бөө хоёр*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 60] решил испытать шамана на предмет, знает ли он три драгоценности в буддийском понимании. По мнению шамана, ценными представляются «заполняющие впадины овцы, приближающий далекое конь, успокаивающий душу ребенок» [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 60]. Т.е. у него общечеловеческие ценности являются подлинно драгоценными. Это, хоть и не противоречит воззрениям ламы, и отрицать их нельзя, но не может он согласиться со своим идеологическим противником, ему остается дать пощечину шаману и ретироваться. Философский смысл этого произведения очевиден: для последователя, проповедника буддийского учения три драгоценности – Будда, учение, община – незыблемы. В то же время для всех людей, в большей степени для кочевников, конь, скот, потомство являются важными со-

ставляющими, имеющими определяющее значение в их жизнедеятельности. Таким образом, обе доктрины имели равное право на существование.

Наряду с подобными повествованиями на тему негативного изображения служителей культа, Б. Барадиным зафиксированы устные рассказы, в которых буддийским монахам не отказывают в чувстве юмора, в подлинной образованности, учености. Так, в тексте «Двое бурятских лам-путешественников и двое халхасцев» (*Хоёр буряад аянай ламанар, хоёр халханууд*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 56] речь идет о двух ламах-бадарчинах и встретившихся им в пути двух монголах. Ради шутки один из путешествующих монахов выражает свое удивление по поводу того, что козы не съели упавшие провода от телеграфных столбов, дескать, у нас на родине они так не залеживаются, сразу поедаются ими. Один из монголов поражен тем, что козы едят железные провода, а второй, чтобы показать свою осведомленность, делает заключение: ну как же, стельной козе необходимо железо.

Мотив предсказаний ламы составил основу сюжетного развития следующего устного рассказа в записи Б. Барадина – «Лама-предсказатель» (*Мэдэлиэ лама*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 48-49]. Перед тем, как отправиться на службу, один человек попросил ламу посмотреть и предсказать, как он справится вдали от родины с предстоящими трудностями. На что тот дал несколько рекомендаций, как поступить и что сказать в определенных ситуациях. По совету ламы, он решил отведать горячего и послушаться слов пожилой женщины и остался ночевать у нее, в отличие от своих сослуживцев, отказавшихся от ночевки. Тем самым он избежал встречи с пургой, отчего его товарищи все замерзли. Спустившись за ведром воды на дно колодца, на вопрос старика красив я или нет, женщина красива или нет, он повторил слова, которые посоветовал сказать лама, которые понравились пожилому человеку. Тогда старик дал ведро воды, от этого объема воды образовалось море, по которому войску удалось переправиться на другой берег. Вспомнив указание ламы, он решил во время пастьбы табуна смешать стадо своих табунов с вражескими табунами. По существующему поверью, когда смешиваются лошади воюющих сторон,

вражда должна прекратиться. Так воины вернулись домой. По возвращении он видит жену, спящую с юношей. Хочет отрубить обоим голову, но, вовремя вспомнив наказание ламы о том, чтобы не предпринимал необдуманных поступков, схватил левой рукой правую руку, чтобы не замахнуться саблей. Позже выяснилось, что это был его подросший сын, родившийся в его отсутствие. Этот сюжет ярко иллюстрирует традиционную практику обращения бурят к ламам перед знаменательными, ключевыми событиями в жизни человека. Ламаистское духовенство занимало первостепенную роль в духовной жизни мирян-кочевников, оно направляло и помогало им в отпращивании жизненных потреб. Кроме того, важно подчеркнуть, меткость предсказаний ламы свидетельствует о большой учености, хороших знаниях и незаурядных способностях буддийского священнослужителя.

Особое место в записях Базара Барадина занимают устные рассказы с мифологической основой, суть которых составляют народные поверья о загробной жизни, суеверные представления о неупокоенных душах, нечистых силах. Так, в тексте «Лама и черт» (*Лама шүтхэр хоёр*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 61-65] повествуется о том, что когда ночь застала селенгинского ламу, возвращающегося в Агинский дацан для получения богословской степени, то он решил переночевать в заброшенном доме. Ночью его посещает молодая женщина, к полночи она оказалась возле него, затем превратилась в существо с длинным языком и стала душить ламу. Началось противостояние, ближе к рассвету девушка немного обессилила, тогда лама умертвил ее, воткнув нож в ее горло. Когда наступил день, лама, увидев мертвую девушку, стал убегать, а навстречу ему мчится группа всадников, которых он принял за тех, кто пришел его наказывать за убийство человека. После расспросов выяснилось, что он избавил этих людей от выходок умершей женщины. Оказалось, что в том доме жила богатая семья, члены которой умерли от эпидемии. Осталась одна только девушка, которая болела месяц и к которой никто ни разу не зашел. Спустя два месяца после ее смерти, из дымового отверстия юрты стал идти дым, потом сущность в облике девушки стала показываться в двери этой юрты, затем она стала ездить и разъезжать на своем коне, распевая песни, не давая покоя людям.

Вернувшись в дом, где лежала мертвая женщина, лама начал читать молитвы за упокой души девушки-шаманки. Люди стали благодарить ламу за то, что он сделал обряд по усопшему, угостили, одарили его хорошо. Данный мифологический сюжет связан с представлением людей о неупокоенных душах: «души людей, которые умерли, но из-за натворённых негативов или примитивности жизни, не пошедших на новое перерождение, ни в рай, ни в ад, ни в чистилище. Часто это происходит с людьми при мучительных смертях, в периоды массовых убийств, войн, эпидемий. Согласно мистико-христианской, ведической, тибетской школам обычный хороший средний человек умирает непривязанный к прошлой жизни и за 49-50 дней проходит промежуток между жизнями (бардо по-тибетски). Затем рождается в тех или иных условиях по закону собственной накопленной кармы. Он может уйти в перерождение и выше человеческого мира, в божественный. Некроты же не проходят через бардо, в основном привязываясь к кладбищам, местам жизни и живым родственникам»².

О подобном мистическом случае, имевшем место в одном из агинских улусов, рассказывается в тексте «Песнопения черта» (*Шүдхэрэй бөөлгэ*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 84-85]. *Шэрүүнэй ламхай*, будучи молодым человеком, услышал, как из двоих детей, пасших скот, один мальчик камлает по-шамански. А девочка запрещает петь как черт, подражая ему. На вопрос ламы, где эти черти/нечисти поют, они указали место и время – вечером будут петь. Он, укрывшись, стал поджечь их появления. Появились нечисти, стали играть, петь. В это время появляются крепкий молодой человек и девушка, которая говорит, что шестьдесят лет прошло, как не виделись, наконец-то свиделись. Парень заметил, что кто-то подсматривает, и все нечисти скрылись. Когда лама рассказал увиденное одной семье, то пара подтвердила, что действительно был такой случай: не дождавшись любимого человека, который не явился на свидание из-за того, что умер, упав с лошади, девушка в ту же ночь повесилась.

² URL: <http://znaharka.com.ua/kto-takie-neupokoennye-dushi/> (дата обращения: 21.03.2018).

В том же русле, что неуспокоившаяся душа превращается в оборотня, насылая страхи на живых, устраивая в невидимой оболочке какие-то негативные действия, развивается сюжет повествования под названием «Один черт» (*Нэгэ шүдхэр*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 54-55]. Собиратель/исполнитель подчеркивает, что это был (элитэ болоһон юумэ). Лама живет с маленькой внучкой. Имеющиеся деньги он хранил в сундуке. Однажды их не оказалось в нем, а обнаружил лама свои сбережения в очаге. В следующий раз, несмотря на то, что деньги были спрятаны в сундуке с замком, они опять оказались в очаге. В другой раз лама положил их под голову и лег спать, тем не менее, деньги опять обнаружились в том же очаге. Внучка ламы, оставившая дом без присмотра, вернувшись от соседей, увидела девушку возле очага, помешивающую золу, которая, испугавшись, убежала, пройдя сквозь стену юрты. Вернувшийся лама потрогал стену – наружная часть целая, с внутренней стороны сломано несколько настенных жердей. По словам девочки, у этой девушки на правой щеке был след от раны. Когда стало известно об этом соседям, знающие люди подтвердили, что действительно жила такая девушка, являющаяся родственницей ламы, украшения которой присвоил этот лама. По представлениям исполнителей мифологических рассказов, человек, при жизни кем-то обиженный, обделенный, может и после смерти являться и вредить своему обидчику.

В советский период устные рассказы с мифологической основой не были востребованы в силу известных причин, когда доминировала жесткая идеология научного атеизма. Поэтому тем ценнее представляются сохранившиеся в архивных фондах материалы такого характера, тем глубже благодарность нынешнего поколения Базару Барадиевичу Барадину, сумевшему запечатлеть бесценные фольклорные произведения, в том числе устную народную прозу, в которых отражены глубокие древние, религиозные, в целом традиционные представления народа, по которым можно судить о мировосприятии, мироощущении этноса.

Что касается небольшого по объему двух из одиннадцати записей по сказочной прозе из архива ученого, один рассказ-быль «Двое детей-пастушков» (*Хонишон хоёр хүүхэд*) [Архив востокове-

дов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 49] рисует реальную картинку из жизни детей скотоводов. Когда маленькие дети пасли овец, на отару пытаются напасть волк. Дети отгоняют волка камнями. В тот момент, когда волк остановился, брат, не испугавшись, бросил в волка камень, который попал ему в голову, и зверь убежал. Они в целости пригнали домой своих овец, родители похвалили ребят и вкусно накормили их. Наряду с воспитательным характером данного текста, налицо и воспроизведение ежедневного быта юного поколения до-революционных кочевников, одной из основных ценностей, по представлению номадов, является большое количество скота. То, что дети отстояли отару овец без ущерба, означает и благополучие, и покой, и дальнейшее благосостояние семьи.

Примечателен сюжет, содержащий достаточно широко распространенный в бурятском фольклоре этиологический миф, почему хвост ласки раздвоенный. Специфичным представляется в этом устном рассказе своеобразное сочетание двух мотивов, логически вытекающих один из другого: первая часть посвящена тому, как хитрая лиса отбирает путем запугивания яйца жаворонка, а ласка подсказывает, как противостоять этому грабителю. Во второй части разработан мотив объяснения об особенностях животного: лиса, узнав, кто научил жаворонка дать ей отпор, обманом выманивает ласку из норы, хочет съесть ее. Ласка в свою очередь тоже обманом вырывается из пасти лисы с прокушенным хвостом, отчего он раздвоился («Как ласка стала укороченной» *Оходноон ягаад оодон болоо нэм*) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 85]. Контаминация известных сюжетных линий является достаточно известным приемом, характерным и для сказок.

Эти редкие записи, извлеченные из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, позволяют составить представление не только о сюжетно-персонажном ряде зафиксированных устных рассказов талантливым собирателем, ученым Б. Барудиным, но и обнаружить ценные познавательные детали и характеристики в анализируемых произведениях. Кроме того, можно выявить индивидуальные черты, особенности манеры исполнения рассказчиков. В представленных текстах устной несказочной прозы бурят присутствуют элементы этнографического характера. К примеру: в одном из текстов, исполняемом во время обряда похорон,

миряне с благодарностью обращаются к ламе: «*Буяымнай тараабат*», т.е. исполнил поминки по усопшему. Обряд завершается одариванием священнослужителя: «*Бадардуулжа табиба*» – проводили, собрав много пожертвований. Исполнитель одного устного рассказа утверждает, что раньше существовал обычай: если табуны разных собственников соединялись, перемешивались, враждующие стороны должны помириться. Это воспринималось, по-видимому, как знак свыше, связанное с сакральным значением культа коня.

Такие мелкие детали, содержащиеся в текстах, как: «*бууса хоройн хандаршахан, хохир шэбхэн задархай*» (стойбище, изгородь развалившиеся, навоз и помет не убраны) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 61]; «*бурханиин хархадан ла, үний холын аршагдаа, арилгагдаагүй, шорой тодоходо хүрхэй дарагдажа байна, хүрхэй аягүйшнүү байба ха*» (когда посмотрел на [алтарь изображений] бурханов, он выглядел не чищенным, не убраным давным-давно, сильно покрыт пылью и копотью, было очень неприятно [смотреть на него]) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 61], весьма красноречиво свидетельствуют о существующих неписанных правилах ведения быта. В первом случае о том, что в обществе порицался хозяин, допустивший разваливающиеся хозяйственные постройки и неубранный скотный двор. Тем более, как во втором примере, не допускается непочтительное отношение к алтарю, который должен содержаться в чистоте, для чего необходим ежедневный уход.

К индивидуальной манере исполнения мы склонны отнести характерное насыщение повествований детальными описаниями типа: «*хүхэ хамба дэгэлтэй, тойробшо халюун малгайтай, хээ зүүдхэлтэй*» (в синем дэгэле, покрытом китайским шелком, конусообразной шапке из выдры, с узорчатыми украшениями) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 62], «*дүрөө ханхинтар тэг гэжэ буугаад*» (резко спешила [с коня], что стремяна забренчали) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 62], частое упоминание времени суток – так как речь в сюжете идет о нечистях, то важно указание на темное время суток. Нередко, согласно закону жанра, наличие указаний, когда состоялся тот или иной случай, о котором пойдет дальше речь: два-три года назад; тогда, когда действующее лицо еще не был назначен *ширетуем* и т.д. Примечательно присутствие

в речи носителей устной прозы слов, вышедших из широкого употребления: *һырэгэшэлдээд* (оживившись, встряхнувшись), *улидһандаа* (расстроившись), *зурса* (черта/линия). Также необычно применение выражения «*басаган бөө*» – буквально девушка-шаман вместо общеизвестного слова «*удаган/оdigон*». Один из рассказчиков, передавая диалог между молодыми людьми, преднамеренно наделяет речь девушки-черта западно-бурятским диалектом: «*яран елэй уулзаагүйһанаа*» (шестьдесят лет как мы не виделись) [Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Л. 85]. Возможно, это употреблено исполнителем для маркирования пространства: инородное/свое.

Таким образом, анализируемые устные рассказы в записи Б. Барадина отличаются характерными признаками жанра: сюжетную их основу составляют интересный, яркий, порой анекдотичный случай из повседневной жизни; с сатирическим оттенком изображены отдельные недостатки людей. В то же время они насыщены этнографическими подробностями, реалистичными зарисовками и познавательными деталями. В них «главным действующим лицом ... является непосредственный участник реального события, повествующий о событиях, известных ему, которые он сам видел, слышал, или которое произошло с ним, и в повествовании нет ни вымысла, ни фантастики» [Гуйдалаева, 2011: 122].

В заключение, нельзя не согласиться со справедливым утверждением Л. Ц. Алексеевой, защитившей кандидатскую диссертацию по обобщению и характеристике жизни и деятельности выдающегося исследователя Б. Барадина: «Богатейшее наследие полевых материалов ученого, основной фонд которых находится в Архиве востоковедов (СПб), до сих пор не обработан и ждет своего исследователя» [Алексеева, 2006: 19].

Литература

1. Алексеева Л. Ц. Базар Барадин – исследователь истории и культуры монгольских народов: Автореф. дис. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2006. 20 с.
2. Бадзар Барадин. Отрывки из бурятской народной литературы. Тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1910. 38 с.
3. Гармаева Х. Ж., Лыскокова В. Ц. Документальные материалы Б. Барадина (1903-1935 гг.) Отдела памятников письменности Востока ИОН БНЦ СО РАН // Базар Барадин: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы

научной конференции, посвященной 115-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурятского народа Базара Барадиевича Барадина. Улан-Удэ: ТОО «Олзон», 1993. С. 49-52.

4. Гуйдалаева А. С. Устный рассказ – жанр лакского фольклора // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 2 (15). С. 119-122.

5. Кульганек И. В. Каталог монголоязычных фольклорных материалов Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН. СПб: Петербургское востоковедение, 2000 (Архив российского востоковедения, V). 320 с.

6. Найдаков В. Ц. О творчестве Б. Б. Барадина // Тезисы и доклады научной конференции «Банзаровские чтения», посвященной 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: УОП БНЦ СО РАН, 1992. С. 96-106.

7. Савицкий Л. С. Обзорение фонда Б. Б. Барадина в собрании архивных документов ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XXIII Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. III. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 141-160.

8. Шаракишинова Н. О. Вопросы фольклора и этнографии бурят в кругу научных интересов Базар Барадина // Базар Барадин: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 115-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурятского народа Базара Барадиевича Барадина. Улан-Удэ: ТОО «Олзон», 1993. С. 107-109.

9. URL: <http://znaharka.com.ua/kto-takie-neupokoennye-dushi/> (дата обращения: 21.03.2018).

Источники

10. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (ИВР РАН). Ф. 87. Оп. 1.

References

1. Alekseeva L. Ts. Bazar Baradin – issledovatel' istorii i kul'tury mongol'skikh narodov: Avtoref. dis. ...kand.ist.n. Ulan-Ude, 2006. 20 s.

2. Badzar Baradiin. Otryvki iz buriatskoi narodnoi literatury. Teksty. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1910. 38 s.

3. Garmaeva Kh. Zh., Lyksokova V. Ts. Dokumental'nye materialy B. Baradina (1903-1935 gg.) Otdela pamiatnikov pis'mennosti Vostoka ION BNTs SO RAN // Bazar Baradin: zhizn' i deiatel'nost'. Doklady i tezisy nauchnoi kon-

ferentsii, posviashchenoi 115-letiiu vydaiushchegosia uchenogo, obshchestvennogo i nauchnogo deiatelia buriatskogo naroda Bazara Baradievicha Baradina. Ulan-Ude: TOO «Olzon», 1993. S. 49-52.

4. Guidalaeva A. S. Ustnyi rasskaz – zhanr lakskogo fol'klora // Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2011. № 2 (15). S. 119-122.

5. Kul'ganek I. V. Katalog mongoloiazychnykh fol'klornykh materialov Arkhiva vostokovedov SPbF IV RAN. SPb: Peterburgskoe vostokovedenie, 2000 (Arkhiv rossiiskogo vostokovedeniia, V). 320 s.

6. Naidakov V. Ts. O tvorchestve B. B. Baradina // Tezisy i doklady nauchnoi konferentsii «Banzarovskie chteniia», posviashchenoi 170-letiiu so dnia rozhdeniia Dorzhi Banzarova. Ulan-Ude: UOP BNTs SO RAN, 1992. S. 96-106.

7. Savitskii L. S. Obozrenie fonda B. B. Baradiina v sobranii arkhivnykh dokumentov LO IV AN SSSR // Pis'mennye pamiatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XXIII Godichnaia nauchnaia sessiia LO IV AN SSSR. Ch. III. M.: Nauka. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990. S. 141-160.

8. Sharakshinova N. O. Voprosy fol'klora i etnografii buriat v krugu nauchnykh interesov Bazar Baradina // Bazar Baradin: zhizn' i deiatel'nost'. Doklady i tezisy nauchnoi konferentsii, posviashchenoi 115-letiiu vydaiushchegosia uchenogo, obshchestvennogo i nauchnogo deiatelia buriatskogo naroda Bazara Baradievicha Baradina. Ulan-Ude: TOO «Olzon», 1993. S. 107-109.

9. URL: <http://znaharka.com.ua/kto-takie-neupokoennye-dushi/> (data obrashcheniia: 21.03.2018).

Istochniki

10. Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisei Rossiiskoi akademii nauk (IVR RAN). F. 87. Op. 1.